

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ

О.В. Воробьева

Аннотация. В статье проводится теоретико-методологический анализ научного языка современного историка на основе энциклопедических и справочных изданий, появившихся в России в последнее пятнадцатилетие. Описывается комплекс теоретико-методологических установок и понятий, с опорой на которые создавались эти издания. Характеризуются новейшие тренды в современном историческом знании и их роль в развитии исторической науки, реализация которых происходит в условиях отсутствия единства парадигмы. Отмечается усложнение как самого прошлого, так и способов его осмыслиения. Показывается возрастание профессиональной рефлексии историков, а также необходимость повышения трансдисциплинарной эрудиции современных историков и изменение способов их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: репрезентации прошлого, теория и методология истории, контингентность, мультимодальность, трансдисциплинарность, сложное мышление

Для цитирования: Воробьева О.В. Репрезентации прошлого в современной справочной литературе по истории // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 271–279. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-271-279

271

PRESENTATIONS OF THE PAST IN MODERN HISTORICAL REFERENCE LITERATURE

O.V. Vorobieva

Abstract. The article provides a theoretical and methodological analysis of the academic language of a modern historian based on encyclopedic and reference publications that appeared in Russia in the last fifteen years. The complex of theoretical and methodological attitudes and concepts based on which these publications were created is described. The article characterizes the latest trends in modern historical knowledge and their role in the development of historical science, the implementation of which occurs in the absence of a unified paradigm. The complication of both the past itself

© Воробьева О.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

and the ways of understanding it is noted. The article shows the increasing professional reflection of historians, as well as the need to increase the transdisciplinary erudition of modern historians and change the ways of their professional training.

Keywords: representations of the past, theory and methodology of history, contingency, multimodality, transdisciplinarity, complex thinking

Cite as: Vorobieva O.V. Representations of the Past in Modern Reference Literature on History. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2025, No. 4, part 2, pp. 271–279.
DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-271-279

Последняя треть XX — первая четверть XXI в. стали временем серьезных перемен в исторической науке. Значительную силу набрали процессы глобализации, потребовавшие от историков понимания сути происходящего и его влияния на историческую науку. Дополнительным фактором, подталкивающим к глубокой рефлексии профессиональной деятельности, стал распад СССР и, как следствие, слом прежних теоретико-методологических оснований отечественной исторической науки. События последнего десятилетия, сопровождающиеся очередным кризисом миропорядка и места России в мировом сообществе, лишь усилили этот вызов. Одновременно с идеологическими и научными сдвигами в российском пространстве происходило кардинальное обновление мировой исторической науки, проявившееся в череде познавательных поворотов, начиная с социального, антропологического, лингвистического, культурного и заканчивая относительно недавними — медиальным, опытным, биологическим. Сегодня некоторые исследователи насчитывают от тридцати до пятидесяти различных дифференцирующих импульсов внутри этого огромного поля [1]. Утрата прежних эпистемологических ориентиров и необходимость поиска новых поставили вопрос о выработке такого категориального аппарата, который отражал бы все обозначенные выше тенденции.

За последние десятилетия появилось большое количество научной литературы, так или иначе отражающей процесс обновления исторической науки в России. Однако наиболее рельефно он проявился в новейшей энциклопедической и справочной литературе по истории. В первую очередь, это 6-томная «Всемирная история» [2], заменившая 13-томное издание 1960-х гг. Далее — Российская историческая энциклопедия (РИЭ) [3], пришедшая на смену 16-томной Советской исторической энциклопедии, создававшейся в 1960-е — 1970-е гг. Причем в составе РИЭ впервые находится немало теоретико-методологических статей. Наконец, это три издания Терминологического словаря по теории и методологии истории, последнее из которых вышло в 2025 г. [4]¹. И хотя вся указанная литература — это издания с разным коллективом авторов и редакторов, они отражают состояние и некоторые общие тенденции развития российской исторической науки.

Отличительная особенность новой «Всемирной истории» состоит в опоре на идеи «новой мировой истории», включая отказ от европоцентризма, попытку

¹ Конечно, есть и другие издания, например, многотомная «История России». Однако в данной статье речь пойдет только о тех из них, которые создавались на базе Института всеобщей истории РАН и в которых автор принимал непосредственное участие.

взглянуть на мир не столько через его части (нации, государства), сколько через его связи, но при этом с сохранением национальной и региональной специфики. Так, в первом томе показано взаимодействие античной и восточных цивилизаций, а также появление на этой основе культур синкретического типа. Во втором — взаимодействие народов Старого света и других оседлых цивилизаций с Великой степью. В остальных томах постоянно звучит тема взаимодействия государств, их взаимопроникновения, отказ от абсолютизации дилеммы Запада и Востока и их гетерогенности, подчеркивается сложность и одновременно значимость взаимоотношений разных народов.

Показательно, что эти принципы новой мировой истории нашли свое отражение и на страницах РИЭ и Терминологического словаря, в которых появились понятия, явно отсылающие к мировым проблемам. Это, например, «пространственный поворот»², показавший, каким образом прежнее понимание пространства работало на идеологические проекты модерна, нуждающиеся в аккумулировании отношений в определенных точках пространства с последующим выстраиванием на этом фундаменте европоцентристских моделей. Или «постколониальные исследования», поставившие проблему пересмотра исследовательских подходов и теорий, разработанных в рамках европейского академического знания, и открывшие транскультурную историческую и историографическую перспективы. Особый акцент на транкультуруности и транслокальности является важнейшим индикатором изменения восприятия историками реальности.

Естественно, этот новый взгляд на мир нуждается в выработке механизмов и принципов приведения разнородных частей современного мира в некую когерентность. Для этого справочный аппарат современной исторической науки обогатился такими понятиями, как новая «историческая компаративистика», «связанная история», «перекрестная история» («история трансферов»), «новая интернациональная история», «новая имперская история», «большая история». Нетрудно заметить, что каждое из этих исследовательских направлений связано с пристальным вниманием к интернациональному характеру происходящих перемен, с попытками дать объяснение не изнутри изучаемых сообществ, а включить их в глобальный процесс. Так, «связанная история» переплетает историю двух и более народов и рассматривает границы между ними (как физические, так и ментальные), прежде всего, как зону контакта. «История трансферов» позволяет осмыслить пересечение культур, идей, технологий в более сложной и нелинейной перспективе. «Новая интернациональная история» обращает внимание на взаимодействие народов через культурную и научную дипломатию. «Новая имперская история», в отличие от прежней истории империй, нацеленной на изучение военных и политических сюжетов, сосредоточена на империях как культурных проектах, концентрирующих свое внимание на особенностях имперского сознания, механизмах и культурных практиках колонизаторов, взаимовлияниях народов и групп, включенных в империю, и т.д.

Не меньшее влияние на развитие и трансформацию исторических понятий оказывает установка на междисциплинарность и комплементарность. Когда создатели «Всемирной истории» задумались о концептуальном и теоретико-методологическом аппарате, на основе которого будет писаться такая история, они осознали необходимость

² Здесь и далее в кавычки заключены понятия, впервые попавшие в эти издания.

сочетания глобально-цивилизационного подхода с антропологическим. Именно такая связка могла обеспечить «человеческое» лицо Всемирной истории — показать не только события, но и представления людей о жизни, смерти, голоде, болезнях и др. В этой связи не удивительно, что второй большой блок понятий, появившийся в РИЭ и Терминологическом словаре, связан именно с культурным поворотом. Это «антропологический поворот», «телесный поворот», «визуальный поворот», «материальный поворот», «аффективный поворот», «перформативный поворот». Рядом с ними «новая история медицины», «ольфакторная история», «история эмоций». И это далеко не полный перечень новаций, вторгающихся сегодня в историческую науку под влиянием культурной и исторической антропологии.

Все эти повороты и новые исследовательские направления породили достаточно дифференцированное и очень динамичное поле междисциплинарных исторических исследований. При этом показательно, что если раньше речь шла преимущественно о сотрудничестве истории с социально-гуманитарными науками, то теперь акцент делается на «трансдисциплинарные исследования», которые в Терминологическом словаре выделены в отдельную статью.

В данном случае речь идет о преодолении оппозиции природы и культуры, сформировавшейся в Новое время и сохранявшей устойчивое влияние на развитие научного знания вплоть до недавнего времени. Однако изменение жизненной среды человека, обусловленное появлением новых информационных технологий, когнитивных технологий, биотехнологий, поставили под вопрос привычные способы ориентации человека в мире, заставив историков задуматься о коэволюции природы и культуры и включиться в процесс переосмысливания этой дилеммы [5]. В результате возник спрос на новый язык описания, на такой когнитивный и концептуальный инструментарий, который смог бы преодолеть границы между естественными, социальными и гуманитарными науками, объединив знания о человеке и мире в целостную картину. Отсюда такой интерес к «когнитивной истории», «экологической истории», «Большой истории», «истории науки и техники», «исследованиям игр», «цифровой истории» и т.д.

Так, например, «когнитивная история» обратила внимание на симбиоз методов и инструментов исторического исследования и теории когнитивной науки для объяснения и понимания человеческого поведения, представлений, коммуникации, мышления в истории [6]. «Экологическая история» опирается на идею гибридного характера системы сложных и повторяющихся отношений между человеком и природой во времени и пространстве [7]. «Большая история» пытается вписать историю людей в астрономические, геологические и биологические процессы [8]. «Цифровая история» ставит вопрос о том, как вообще история — и как форма сознания, и как наука — может существовать в цифровой и медиасреде [9; 10]. Зафиксировав мощные вызовы, поступающие из пространства неспециализированного знания, которое производится в сфере публичной политики, в старых и новых медиа, в социальных сетях, цифровой поворот способствовал появлению еще одной новой исследовательской области — «публичной истории».

В широкой среде разнообразных новаций невозможно обойти вниманием появление в России собственно «истории понятий» — нового и быстро развивающегося направления, уже имеющего собственную историографию. Его формирование на-

чалось в 1990-е гг. вслед за исследованиями в области семантики немецких, английских, французских и других национальных исследователей, заявивших о себе десятилетием ранее. Особое место в плеяде европейских исследователей, безусловно, принадлежит Райнхарту Козеллеку, под руководством которого было подготовлено многотомное издание «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии» (1972–1997)³. В России одним из первых к истории понятий обратился Н.Е. Копосов в статье 1998 г. «Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий» [11]. С этого времени начинается осмысление и проработка этой проблематики в целом ряде индивидуальных документов [12; 13; 14; 15].

Приходится, однако, констатировать, что в среде профессиональных историков такая перестройка когнитивного и концептуального аппарата вызывает беспокойство при анализе столь сложно устроенного мира. Множество направлений, подходов, концептуальных способов рассмотрения истории создают такое разнообразие научных и зачастую плохо стыкуемых языков, что возникает вопрос о возможностях синтеза прошлого в какой-то картине мира, тем более что постмодернизм и так подорвал веру в большие исторические нарративы. Часть исследователей в этой ситуации предпочитают просто сосредоточиться на привычных для них способах историописания. Другие считают достаточным ориентирование в современном историографическом ландшафте. Третьи задумываются об усложнении мышления о прошлом [20; 21], в том числе через такие ресурсы, как «новая компаративистика», «контингентность», «мультимодальность» и др.

Например, «новая компаративная история» акцентирует внимание на сложностях компаративного анализа в истории, недостаточности выявления сходств и различий, а также на сложностях синхронизации объектов в процессе сравнения, недостижимости нейтральной позиции историка и др. [22]. Понятие контингентности, под которым сначала понималась случайность в противовес необходимости, а позже — необъяснимость исторического выбора, сегодня предполагает идею смешения случайного и необходимого (упорядоченного), что заставляет историков задуматься об альтернативности, вариативности, прерывистости в истории [23; 24]. «Мультимодальность» же понимается как корреляция различных модусов, участвующих в презентации и репрезентации истории. Помимо освоенных историками вербального и визуального модусов сегодня к ним добавляются жесты, звуки, цвет, запахи, эмоции и другие семиотические коды, существенно усложняющие представления о способах и формах коммуникационного обмена в истории и по поводу истории [25; 26].

О чём свидетельствуют эти новации в современной справочной литературе по истории? Как минимум, о том, что на данный момент происходит явное изменение сферы функционирования истории (цифровая и медийная среда). Имеется заметный тренд в сторону не только меж-, но и трансдисциплинарного сотрудничества с естественными науками (сотрудничество очень сложного, потому и присутствующего в ограниченном сегменте). Ощущается потребность показать взаимосвязанность мира (через новые варианты мировой истории), тоже пока остающуюся

³ Перевод введения и девяти статей этого словаря см.: Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

неосвоенным явлением (хотя глобальная история, Большая история пытаются со- здавать более сложные проекты). В способах осмысления истории рефлексивная составляющая явно преобладает над изучением свершившейся истории, что выражается в превалировании репрезентаций над реконструкциями (за некоторым исключением), а значит, по-прежнему доминируют лингвистическая и культурная парадигмы. Обнаруживается несколько ярко выраженных силовых линий, вокруг которых происходит обновление теоретического арсенала, мобилизованного для ответа на вызовы, которые приходят изнутри и извне профессиональной историографии. Но их разработка происходит в условиях отсутствия единства парадигмы (нелинейное и насыщенное альтернативами пространство), которое, однако, не исключает трансформации моделей изучения истории и раздвижение теоретических горизонтов исторической науки.

Последствия этих вызовов для исторической науки пока не могут быть до конца оценены, но уже сегодня очевидно, что для историков это означает необходимость овладения сложным теоретическим и методологическим арсеналом, повышение исторической эрудиции, а также изменение форм профессиональной подготовки историка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахман-Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 503 с.
2. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011–2018.
3. Российско-историческая энциклопедия: в 18 т. М.: Просвещение, Олма-медиа групп, 2015–2024.
4. Теория и методология истории: терминологический словарь. 1-е изд. М.: Аквилон, 2014. 575 с.; 2-е изд. М.: Аквилон, 2016. 543 с.; 3-е изд. М.: ИВИ РАН, 2025. 656 с.
5. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 580 с.
6. Когнитивные науки и историческое познание / под ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. 371 с.
7. Touwaide A. Environmental History // Dictionary of the History of Ideas: in 6 vols. Vol. 2. USA: Thompson Gale, 2005. P. 682–685.
8. Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2004. 668 p.
9. Володин А.Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 6 (8). URL: <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (дата обращения: 15.07.2025).
10. Зверева Г.И. Профессиональное историческое знание в медиатизированной среде: новые подходы к изучению // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 306–315.
11. Консов Н.Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 31–39.
12. Соколов С.В. Политические понятия, обозначающие формы правления, в российских исторических сочинениях XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 211–225.

13. Тимофеев Д.В. Понятия «просвещение» и «революция» в лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 38–58.
14. Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
15. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
16. Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2006. 255 с.
17. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
18. Res publica: история понятия / ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 279 с.
19. Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века: сборник статей / под ред. С. В. Польского, В. С. Ржеуцкого. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 575 с.
20. Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84–98.
21. Князева Е.Н. Сложное мышление: Э. Морен, Ф. Варела, К. Майнцер // Философия мышления. Одесса: Печатный дом, 2013. С. 17–39.
22. Вернер М., Циммерман Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59–90.
23. Вахштайн В. Проблема контингентности в теории познания // Постнаука. URL: <https://postnauka.org/video/47821> (дата обращения: 15.07.2025).
24. Егорова А. Контингентность как условие возможности класса // Неприосновенный запас. 2022. № 2 (142). С. 41–56.
25. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политические науки. 2016. № 3. С. 77–100.
26. Цветаева Е.Н., Панкратьева Е.С. Мультимодальное Средневековье: «читая» изображения разных пословиц // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 433–453.

REFERENCES

1. Bachmann-Medick D. *Kulturnye poveroty: novye orientiry v naukah o kulture* [Cultural Turns: New Guidelines in the Sciences of Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 503 p. (in Russ.)
2. Vsemirnaya istoriya, v 6 t. [World History, in 6 vols.], chief ed. by A.O. Chubaryan. Moscow: Nauka, 2011–2018. (in Russ.)
3. Rossijsko-istoricheskaja enciklopedija, v 18 t. [Russian Historical Encyclopedia, in 18 vols.]. Moscow, Prosveshchenie, Olma-media group, 2015–2024. (in Russ.)
4. Teoriya i metodologiya istorii: terminologicheskij slovar' [Theory and Methodology of History: a Terminological Dictionary], 1st ed. Moscow, Aquilon, 2014, 575 p.; 2nd ed. Moscow, Aquilon, 2016, 543 p.; 3rd ed. Moscow, IGH RAS, 2025, 656 p. (in Russ.)
5. Descola F. *Po tu storonu prirody i kultury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 580 p. (in Russ.)
6. Kognitivnye nauki i istoricheskoe poznanie [Cognitive Sciences and Historical Cognition], ed. by O.V. Vorobieva and G.I. Zvereva. Moscow: Akvilon, 2020. 371 p. (in Russ.)

7. Touwaide A. Environmental History. In: *Dictionary of the History of Ideas*, in 6 vols., vol. 2. USA, Thompson Gale, 2005, pp. 682–685. (in Russ.)
8. Christian D. *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2004. 668 p.
9. Volodin A.Yu. “Tsifrovaya istoriya”: remeslo istorika v cifrovyyu epokhu [“Digital History”: the Craft of a Historian in the Digital Age], *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal “Istoriya”* = Electronic Scientific and Educational Journal “History”, 2015, issue 6 (8). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (accessed: 15.11.2022). (in Russ.)
10. Zvereva G.I. Professional Historical Knowledge in a Mediatized Environment: New Approaches to Learning, *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 4, part 2, pp. 306–315. (in Russ.)
11. Koposov N.E. Osnovnye istoricheskie ponjatija i terminy bazovogo urovnja: k semantike socialnyh kategorij [Basic Historical Concepts and Terms: towards the Semantics of Social Categories], *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* = Journal of Sociology and Social Anthropology, 1998, vol. 1, issue 4, pp. 31–39. (in Russ.)
12. Sokolov S.V. Politicheskie ponjatija, oboznachajushchie formy pravlenija, v rossijskih istoricheskikh sochinenijah XVIII v. [Political Concepts Denoting Forms of Government in Russian Historical Writings of the XVIII Century]. In: *Document. Archive. History. Modernity*, issue 11. Ekaterinburg, Ural Publishing House University, 2010, pp. 211–225. (in Russ.)
13. Timofeev D.V. Ponjatija “prosveshchenie” i “revoljucija” v leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX v. [The Concepts of “Enlightenment” and “Revolution” in the Lexicon of an Educated Russian Citizen of the First Quarter of the 19th Century], *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time, 2011, issue 35, pp. 38–58. (in Russ.)
14. Kharkhordin O.V. *Osnovnye ponjatija rossijskoj politiki* [Basic Concepts of Russian Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 328 p. (in Russ.)
15. Bikov A. *Grammatika porjadka. Istoricheskaja sociologija ponjatij, kotorye menjajut nashu realnost* [Grammar of Order. Historical Sociology of Concepts that Change Our Reality]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2014, 432 p. (in Russ.)
16. *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia of the XVI–XX Century]. St. Petersburg, Aleteja, 2006, 255 p. (in Russ.)
17. “Ponyatija o Rossii”: k istoricheskoj semantike imperskogo perioda, in 2 t. [“Concepts of Russia”: towards the Historical Semantics of the Imperial Period, in 2 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, (in Russ.)
18. *Res publica: Istorija ponyatija* [Res publica: History of the Concept], ed. by O.V. Khakhordin. St. Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2009, 279 p. (in Russ.)
19. *Laboratoriya ponjatij. Perevod i jazyki politiki v Rossii XVIII veka: Kollektivnaja monografija* [Laboratory of Concepts. Translation and Languages of Politics in Russia of the XVIII Century: A collective Monograph], ed. by A.I. Miller, D.A. Sdvizhkov, I. Shirle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 575 p. (in Russ.)
20. Mainzer K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke [Challenges of Complexity in the 21st Century], *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy, 2010, No. 10, pp. 84–98. (in Russ.)
21. Knyazeva E.N. Slozhnoe myshlenie: E. Morin, F. Varela, K. Mainzer [Complex Thinking: E. Morin, F. Varela, K. Mainzer]. In: *Filosofija myshlenija* [Philosophy of Thinking]. Odessa, Printing House, 2013, pp. 17–39. (in Russ.)

22. Verner M., Zimmerman B. Posle komparativa: histoire croisée i vyzov reflektivnosti [After the Comparative: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity], *Ab Imperio*, 2007, No. 2, pp. 59–90. (in Russ.)
23. Vakhtajn V. *Problema kontingentnosti v teorii poznaniya* [The Problem of Contingency in the Theory of Cognition]. Available at: <https://postnauka.org/video/47821> (accessed: 18.08.2024). (in Russ.)
24. Egorova A. Kontingentnost kak uslovie vozmozhnosti klassa [Contingent as a Condition of Class Opportunity], *Neprikosnovennyj zapas* = Inviolable Reserve, 2022, No. 2 (142), pp. 41–56. (in Russ.)
25. Kress G. Socialnaja semiotika i vyzovy multimodalnosti [Social Semiotics and Challenges of Multimodality], *Politicheskie nauki* = Political Sciences, 2016, No. 3, pp. 77–100. (in Russ.)
26. Tsvetaeva E.N., Pankrateva E.S. Multimodalnoe Srednevekovye: “chitaja” izobrazhenija raznyh poslovic [The Multimodal Middle Ages: “Reading” Images of Various Proverbs], *Nemeckaja filologija v Sankt-Peterburgskom Gosudarstvennom universitete* = German Philology at St. Petersburg State University], 2022, issue 12, pp. 433–453. (in Russ.)

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Отдел международных отношений и интеграции академической науки и образования, Институт всеобщей истории, Российской академии наук; кафедра теории и истории гуманитарного знания, Российской государственный гуманитарный университет, vorobushek1@yandex.ru

Olga V. Vorobieva, PhD in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, International Relations and Integration of Academic Science and Education Department, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Theory and History of Humanitarian Knowledge Department, Russian State University for the Humanities, vorobushek1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2025. Принята к публикации 10.11.2025

The paper was submitted 23.09.2025. Accepted for publication 10.11.2025